

✓ **Владимир КОЧЕТКОВ**, писатель, путешественник, учитель географии, член Союза писателей России, член Русского географического общества. Живет в р.п. Сурское

ЧЕРЕЗ РУДНИК

Рассказ

В Потоси – довольно крупный горняцкий город в Боливии – я заехал вечером. Солнце давно село, позади за этот день осталось километров сто восемьдесят, четыре тысячи метров над уровнем моря давили непонятным и непривычным грузом, я устал и брёл по одной из главных улиц на остатках сил. Кроссовки скользили по вымощенной булыжником узкой мостовой, сами улицы карабкались куда-то всё выше и выше.

В первый раз за всё путешествие я встретил недружелюбное отношение к себе: встречные прохожие или отворачивали лица, или бормотали что-то явно не самое приятное, пару раз, мне, будто случайно, под ноги выливали помой из ведер, а в трёх встреченных гостиницах отказали в ночлеге.

Взошла луна, звёзды заблестели так, словно им были безразличны огни города, а я стоял посреди узкой улицы и не знал, куда идти и что делать дальше.

Так, в нерешительности, я простоял несколько минут. Уходить из города мне не хотелось: для этого нужно было либо опять спускаться вниз, либо наоборот, подниматься вверх, что на высоте четырёх тысяч метров делать очень муторно.

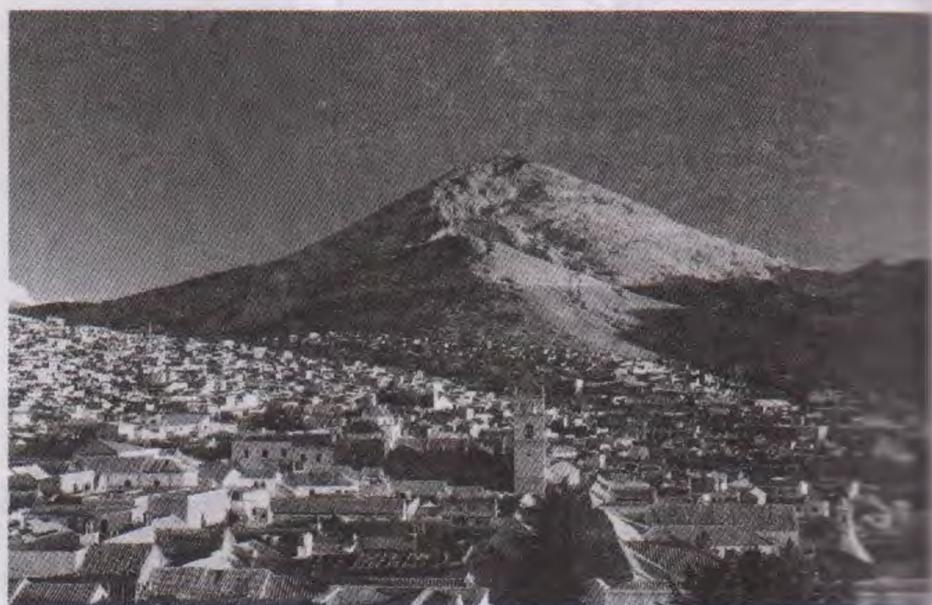
Вдруг кто-то потянул меня за рукав. Это было так неожиданно, что я даже отшатнулся, пытаюсь вырвать руку. Передо мной стоял старый индеец в накинутой поверх свитера горняцкой робе. Откуда он взялся – не знаю, по крайней мере, я не заметил. Индеец этот тот час забормотал:

– Ноу, ноу, сеньор, – его тёмного лица почти не было видно, но голос, блеснувшие в улыбке зубы и, главное, спокойные движения рассеяли вспыхнувшие, было опасения.

– Ком, – он, махнув мне рукой, предложил идти за ним. – Ком, – я кивнул, и, упираясь в руль велосипеда, поплёлся за индейцем.

Он, время от времени оглядываясь, словно проверяя, не отстаю ли я, вёл меня какими-то переулками вглубь жилого квартала. Он что-то бормотал вслух, то ли на языке кечуа, то ли на аймара, изредка похлопывая рукой по рулю моего велосипеда и успокаивающе кивая головой. Двоим или троим встречным индейцам он что-то коротко ответил на их немые вопросы, но индейцы так и остались стоять в недоумении, глядя нам вслед.

Отель, куда индеец привёл меня, был крохотным и очень простым – несколько глиняных лачуг, построенных квадратом вокруг внутреннего двора, навес из толстой полиэтиленовой плёнки, туалет, где вместо бачка стояло простое ведро и рукомойник. Мой провожатый, объясняя хозяину суть дела, показал на моё лицо, тот поглядев на меня пристально, улыбнулся и уверенно кивнул головой. Через несколько минут я, поблагодарив своего невестку откуда взявшегося спасителя, и ополоснув в умывальнике лицо и руки, забрался вместе с велосипедом в номер.

Встал поздно – солнце уже поднялось над вершинами окружающих Потоси гор. Вскипятив на походной горелке чаю, позавтракал, затем расплатился с хозяином и собрал вещи. Я уже был готов уехать, как вдруг хозяин – молодой черноволосый парень – заговорил со мной на довольно хорошем английском языке, желая, в первую очередь узнать мою национальность, а когда узнал что я не американец, а русский, необычайно оживился. Мне наконец-то стала понятной причина недружелюбного ко мне вчерашнего отношения в городе. По словам хозяина, уже целая неделя, как индейцы вооружились и захватили аэропорт и серебряный рудник, а на дороге по направлению к Сукре выставили блокпост.

– Бастуют против правительства, против низкой зарплаты, но больше всего – против американских компаний, захвативших добычу серебра, – как мне показалось весело, часто подмигивая правым глазом и едва заметно улыбаясь, объяснял хозяин.

– Ты не американец, – он указал на моё лицо, и засмеялся. – Луис вчера сразу понял, что ты не американец, попросил за тебя.

Я ещё раз с благодарностью вспомнил своего вчерашнего спасителя. Да, он мне здорово помог. Узнав, что я еду в Сукре и дальше, владелец гостиницы замолчал и задумался:

– Тебе лучше ехать не напрямую, лучше через рудник, – махнув рукой на юг, наконец, произнёс он. Увидев смущение на моём лице, он пояснил:

– Там ты объедешь блокпост, и тебя не вернут обратно. – Он ещё немного подумал и добавил: – Всех белых держат в аэропорту.

Теперь я начал осознавать серьёзность положения. Перспектива надолго зависнуть в Потоси никак меня не прельщала. Да и вообще? вооружённые бастующие – это, пожалуй, не кино. Я посмотрел в ту сторону, куда указывал хозяин отеля. В южной стороне города возвышалась гора с полуразрушенными склонами. От центра, где я находился, туда нужно было подниматься. На сколько? Не знаю, но то, что это будет ещё несколько десятков метров к той четырёхтысячной высоте, сомнений не было.

В этих цифрах – недостаток кислорода, горная болезнь, когда тебя преследует постоянная тошнота, когда какая-то сила выворачивает наизнанку, и не знаешь, что может облегчить это предвотное состояние и слабость. Двигаться быстро нельзя, вдохнуть так, чтобы кислорода хватало полностью, до полного насыщения, никак не получается. Вместо бодрости от свежего воздуха – апатия, страшная лень двигаться и тяжесть. Я знал, что меня это ждёт, но перспектива быть запертым где-то в городе была ещё хуже. Поэтому я пожал хозяину отеля руку и пошёл прямо на юг, к возвышающейся впереди горе.

Самое трудное было в том, что эта улица просматривалась вперёд метров на двести пятьдесят, а то и триста, и одна только мысль, что мне никуда не деться от этих метров, вызывала приступ тоски и уныния. Солнце отражалось от плит мостовой, отражённые лучи били в глаза, машины и автобусы обгоняли меня, оставляя клубы, почему то чёрного по цвету, густого дыма, сбивая и так прерывистое дыхание, а я всё тащился вверх.

Вот позади остался один поворот, другой, вот уже, оглянувшись назад, можно было увидеть почти весь город, а рудник всё ещё висел где-то высоко надо мной. Наконец, последняя улица растворилась в бесформенных отвалах из обломков горной породы и сухой едкой пыли. Здесь начинался подъём на рудник, о котором мне говорил владелец гостиницы. Пока никто не пытался меня остановить или оскорбить. Это радовало, видимо, я действительно выбрал правильный путь.

Долго стоял, не решаясь сделать первый шаг. Сейчас я отчётливо видел площадку перед входом и разбросанную по склонам горы тяжёлую технику. Видел даже часть дороги, которая должна была вывести меня на трассу за блокпостом. Но я никак не мог начать движение. Наконец, решился, упёрся руками в руль и сделал попытку подняться наверх. Это оказалось непросто – склон был крутой, подошвы кроссовок скользили по густой пыли, рюкзаки, укрепленные на багажнике, тянули назад. Я сжимал тормозные рычаги, но это не помогало – даже на тормозах велосипед норовил вернуться обратно. Сердце бешено колотилось, пот мгновенно пропитал фланелевую толстовку, кровь стучала в висках, словно хотела порвать сосуды и вырваться наружу.

Я остановился, еле сдерживая велосипед, вытер разьедавший глаза пот и оглянулся назад. Отсюда была видна выходящая из города трасса и блокпост, примостившийся на самом выходе. Этот блокпост был ниже того места, где я сейчас находился, и туда можно было докатиться на велосипеде без труда.

– Да ну её, эту гору! – вдруг прошептал я. – Поеду через блокпост, будь что будет.

Приняв это решение, я осторожно развернул велосипед, так же осторожно сел в седло и, едва удерживая равновесие тормозами, покатылся по ухабистой дороге в сторону блокпоста.

– Стоп! – невысокий плотный индеец перегородил мне дорогу автоматом.

– Назад, – сказал второй – смуглый и довольно высокий для индейца.

– Мне надо в Сукре, – стараясь говорить как можно спокойнее, ответил я. – В Сукре, – и добавил:

– Я не солдат, я – учитель. Учитель географии.

Невысокий усмехнулся:

– Назад! Белые – там.

Я уже начал жалеть, что не попытался вскарабкаться на ту чёртову гору, как вдруг неожиданно в разговор вмешался третий боец. До этого он сидел молча на мешках, почти не двигаясь, только медленно жевал и переводил взгляд с моего велосипеда на майку, с майки на моё лицо и обратно. Этот третий что-то сказал длинному. Они перебросились несколькими словами, причём тот, третий указал на моё лицо.

– Ты учитель? – переспросил меня длинный.

– Да, – ответил я, – учитель географии из России. Сейчас у меня отпуск, а вообще я работаю в школе. С детьми работаю.

– А-а, – неопределённо протянул тот, – в Сукре едешь? – он опять что-то спросил у того третьего, видимо, старшего на блокпосту. Тот утвердительно кивнул и тогда длинный поднял автомат:

– Проезжай, учитель из России. Будь осторожен, там через сорок километров дорога плохая до самой Тупизы.

Я посмотрел ещё раз на этих ребят, сказал по-русски спасибо и покатылся на юг, удивляясь тому, как по-разному воспринимают люди в разных странах профессию, в которой мне пришлось задержаться на довольно длительное время.

